

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Ефимов Антон Сергеевич

**Русский антинигилистический роман 1860-1870 гг. и готическая проза
второй половины XVIII – первой половины XIX в.**

Специальность 10.01.01 — русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Москва — 2021

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

**Научный
руководитель:**

Ивинский Дмитрий Павлович
доктор филологических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова»,
профессор кафедры истории русской
литературы

**Официальные
оппоненты:**

Коровин Валентин Иванович
доктор филологических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет» Институт
филологии, почётный профессор кафедры
русской классической литературы

Кулагина Ольга Львовна
Доктор филологических наук, ФГБОУ ВО
«Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова», старший научный
сотрудник кафедры литературно-
художественной критики и публицистики

Одесский Михаил Павлович
Доктор филологических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет», заведующий
кафедрой литературной критики

Защита диссертации состоится 9 декабря 2021 г. на заседании диссертационного совета МГУ.10.05 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус МГУ, филологический факультет.

E-mail: ruslit@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27).

Со сведениями о регистрации участия в защите в удалённом режиме и с диссертацией в электронном виде также можно ознакомиться на сайте ИАС «ИСТИНА»:
<https://istina.msu.ru/dissertations/40299572/>

Автореферат разослан «29» октября 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

О. С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы обусловлена тем, что связи русского антинигилистического романа 1860-1870 гг. и готической прозы XVIII – первой половины XIX в. никогда не становились предметом специального исследования. Но его появление представляется необходимым. Во-первых, для понимания литературной эволюции. Обсуждая её движущие силы, целесообразно обращаться не только к магистральным, но и к побочным линиям преемственности. Во-вторых, для понимания системы литературных контекстов. Именно с готической прозой связано «ужасное и таинственное» в антинигилистическом романе и соответствующее интерпретирование социально-политических процессов, событий революционного движения, а также приёмы демонизации персонажей и даже их система. В настоящей диссертационной работе мы пытаемся заполнить соответствующие лакуны.

Степень изученности темы. Несмотря на низкую разработанность в отечественном и зарубежном литературоведении предложенной нами темы, мы учитываем, во-первых, опыт исследователей, обсуждавших русский антинигилистический роман. Работы А.Г. Цейтлина¹, Ю.С. Сорокина², А.И. Батюто³, Н.Н. Старыгиной⁴, А.Г. Склеинис⁵, В. Торстенссон⁶ и др. Во-вторых, труды, в которых затрагивается проблематика готики относительно произведений жанра антинигилистического романа или связанных с ним. Работы А.Б. Криницына⁷, Д.Д. Шараповой⁸, И.Ю. Виницкого⁹, Э.А. Евтушенко¹⁰, А.Н.

¹Цейтлин А.Г. Сюжетика антинигилистического романа // Литература и марксизм. 1929. Вып. 2. С. 33-74.

²Сорокин Ю.С. Антинигилистический роман // История русского романа: в 2-х т. / изд-е подгот. Б. П. Городецкий, Н. И. Пруцков. М. Л.: Наука, 1964. Т. 1. С. 97-120.

³Батюто А.И. Антинигилистический роман 60-70-х годов // История русской литературы: в 4-х т. Л.: Наука, 1982. Т. 3. С. 279-314.

⁴Старыгина Н.Н. 1) Демонические знаки в антинигилистическом романе как выражение авторской ценностно-мировоззренческой позиции // Проблемы исторической поэтики. 1998. №5. С. 203-221. 2) Контекстуальное содержание литературной ситуации в русской культуре 1850-1870 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2017. № 4 С. 225–233. 3) Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860-1870-х годов. – М.: Языки славянской культуры, 2003. 352 с.

⁵Склеинис Г.А. 1) Жанровое своеобразие диалогии В. В. Крестовского "Кровавый пуф". Магадан: Кордис, 2004. 122 с. 2) Склеинис А.Г. Русский антинигилистический роман: происхождение, эволюция, жанровая специфика. Магадан: ИП Жарикова, 2018. 414 с.

⁶Thorstensson V. The Dialog with Nihilism in Russian Polemical Novels of the 1860s–1870s. Madison: The University of Wisconsin-Madison, 2013. С. 510.

⁷Криницын А. Б. Мотивы романа М. Шелли Франкенштейн в творчестве Достоевского // Материалы XVIII Международных Старорусских чтений 2011 года / А. Б. Криницын и др. Великий Новгород, 2012. С. 201–220.

⁸Шарапова Д.Д., Криницын А.Б. Синтез готического и бульварного влияния на творчество Ф.М. Достоевского // Литера. 2016. № 3. С. 16-25.

Кошечко¹¹ и др. Вместе с тем, мы опираемся на труды исследователей готической литературы, в достаточном объёме описавших историю жанра и его поэтические особенности. Труды М. Саммерса¹², В. Дибелиуса¹³, Д. Вармы¹⁴, Г.Ф. Лавкрафта¹⁵, В.Э. Вацура¹⁶, В.М. Жирмунского и Н.А. Сигал¹⁷, М.П. Алексеева¹⁸, В.Я. Малкиной и А.А. Поляковой¹⁹, Т.А. Михайловой и М.П. Одесского²⁰ и др.

Предметом исследования являются межжанровые связи русского антинигилистического романа / повести 1860-1870 гг. и готической прозы второй половины XVIII – первой половины XIX в. Нас интересуют, прежде всего, отношения на уровнях характерологии, мотивов и сюжетики. Приёмы устрашения и демонизации. А также общее в исторических контекстах развития рассматриваемых жанров, картинах мира их произведений.

Объектом исследования являются романы В.В. Крестовского «Панургово стадо» (1869) и «Две силы» (1874) (дилогия «Кровавый пух»); «На ножках» (1870-1871) Н.С. Лескова; «Бесы» (1871-1872) Ф.М. Достоевского; «Тайны современного Петербурга: Записки магистра Степана Боба. Нигилисты» (1875) кн. В.П. Мещерского, а также повести из цикла «Кружковщина» (1875-1879) А.А. Дьякова (А. Незлобина) – «Фатальная жертва» (1876), «В народ!» (1876), «Из записок социал-демократа» (1875).

Выбор этих произведений не был случайным. Во-первых, это ядро жанра – самые представительные тексты – они отражают ключевые этапы развития русской антинигилистической прозы – периоды расцвета 1867-1874 гг. и упадка 1875-1884 гг. Во-

⁹ Виноцкий И.Ю. Русские духи: Спиритуалистический сюжет романа Н. С. Лескова «На ножках» в идеологическом контексте 1860-х годов // Новое литературное обозрение. 2007. № 87. С. 184-213.

¹⁰ Евтушенко Э.А. Мистический сюжет в творчестве Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Уфа, 2002. 236 с.

¹¹ Кошечко А.Н. Поэтика художественного пространства романов Ф. М. Достоевского 1860-х годов : "Преступление и наказание", "Идиот": дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Томск, 2003. 250с.

¹² Summers M. The Gothic quest: A history of the Gothic novel. London: Fortune Press, 1938.443 p.

¹³ Dibelius W. Englische Romankunst. Bd. 1. Berlin; Leipzig, 1922. 406 s.

¹⁴ Varma D. The gothic flame. London: Barker, 1957.264 p.

¹⁵ Лавкрафт Г.Ф. Сверхъестественный ужас в литературе // Азатот; вступ. статья Р. Блоха. М.: Гудьял-пресс, 2001. С. 409–480.

¹⁶ Вацура В.Э. Готический роман в России; составление и подготовка текста по черновой рукописи Т.Ф. Селезнёвой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 544 с.

¹⁷ Жирмунский В.М., Сигал Н.А. У истоков европейского романтизма // Уолпол. Казот. Бекфорд. Фантастические повести / Хорас (Гораций) Уолпол, Уильям Бекфорд, Жак Казот; изд. подгот. В. М. Жирмунский, Н. А. Сигал. Л.: Наука, 1967. С. 249-284.

¹⁸ Алексеев М. П. 1) Русско-английские литературные связи: XVIII в.-первая половина XIX в; Предисл. И. С. Зильберштейна. М.: Наука, 1982. 863 с. 2) Чарлз Роберт Метьюрин и русская литература // От романтизма к реализму. Л.: Наука, 1978. С. 3-55. 3) Ч.Р. Метьюрин и его «Мельмот Скиталец» // Мельмот Скиталец / Чарлз Роберт Метьюрин. М.: Наука, 1983. С. 531–638.

¹⁹ Малкина В.Я., Полякова А.А. «Канон» готического романа и его разновидности // Готическая традиция в русской литературе. М.: РГГУ, 2008. С. 15–32.

²⁰ Михайлова Т.А., Одесский М.П. 1) Граф Дракула Опыт описания; 2-е изд., испр. М.: РГГУ, 2019. 260 с. 2) Одесский М.П. Упыри и Дракула в славянском свете // Дракула. Брэм Стокер. Изд. подготовили Т.А. Михайлова, М.П. Одесский. М.: Ладомир: Наука, 2020. С. 652-696

вторых, выбранные авторы (за исключением Лескова и Мещерского) имели опыт участия в революционных, нигилистических объединениях / «кружках». Мещерский же был непосредственным организатором антиреволюционной / антинигилистической кампании в печати. Крестовский участвовал в расследовании Польского восстания. Таким образом, эти авторы были глубоко погружены в темы, обсуждаемые в произведениях. В-третьих, именно в этих текстах содержится интересующий нас материал, то есть, явные следы воздействия со стороны готической литературы, которые могут быть описаны в достаточном для адекватного анализа объёме. В-четвёртых, некоторые из привлечших наше внимание авторов (князь Мещерский, Дьяков) остаются почти неизученными, количество специальной литературы, обсуждающей поэтику их произведений – крайне мало.

В рамках исследования мы обращаемся и к другим произведениям антинигилистического романа, в которых наследие готической прозы выражено слабо или даже едва различимо. Обращение к ним необходимо для понимания глубины воздействия готики на антинигилистическую литературу. При этом мы не ставим перед собой задачу исчерпать материал и сосредотачиваемся на наиболее показательных текстах.

Одновременно мы обсуждаем границы жанра антинигилистического романа и возможности его экспансии в смежные формы. Выясняется, что понятие «антинигилистический роман» как исторически сложившееся сужает представление о художественных формах реализации антинигилистической тематики 1860-1870 гг.: она находила выражение не только в романе, но и в повести (напр. произведения Дьякова), и даже в драме. Между антинигилистическим романом и повестью нет принципиальных различий ни с точки зрения идеологии, ни на уровнях характерологии, мотивов и сюжетики. Учитывая это, в работе мы прибегаем и к термину «антинигилистическая проза».

Под готической литературой (прежде всего, это проза, реже произведения драмы и лирики) обычно понимается «литература таинственного и ужасного»²¹. При этом постоянно делаются попытки уточнить это понимание, имея в виду систему персонажей, мотивы, сюжет, идеологию, жанр. Ср. точку зрения В.Э. Вацуры: «Готический роман – целостная и хорошо структурированная система, порожденная предромантической эстетикой и философией; эта последняя предопределила характер конфликта, расстановку действующих лиц, иерархию мотивов и сумму повествовательных приемов; она создала и

²¹Заломкина Г.В. Готический роман // Большая российская энциклопедия: в 35 т.; гл. ред. Ю. С. Осипов. М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017. Т.7. С. 551; Вацура В.Э. Готический роман в России. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 3. Summers M. The Gothic quest: A history of the Gothic novel. London: Fortune Press, 1938. P. 208.

специфические романские модели; воспринимаясь или отвергаясь последующей литературой, они могли разрушаться как целостное образование, обогащая традицию отдельными своими элементами»²². При этом все понимают, что история литературы всегда имела дело с не до конца оформленными смыслами, а в данном случае это тем более неизбежно, что «готическая литература» обычно связывается с категориями «предромантизм» и «романтизм», в отношении которых не было и нет единства мнений на уровне «окончательных» определений; ср. мнение Саммерса, который, разыскивая истоки жанра и пытаясь связать «готическое» с «романтическим чувством», утверждал: «можно было бы написать тома, но не прийти к полностью удовлетворительному определению романтизма во всех его аспектах и фазах»²³. Современные российские исследователи утверждают, что так называемый «инвариант» готического романа в литературоведении размыт²⁴, но не отрицают возможности его выявления. Свою работу мы рассматриваем, в том числе, как шаг к уточнению существующих представлений о «каноне» готического произведения. С опорой на классические образцы (роман «Замок Отранто» (1764) Хораса (Горация) Уолпола; повесть «Ватек» (1782) Уильяма Бекфорда, роман «Удольфские тайны» (1794) Анны Радклиф; роман «Монах» (1796) Мэтью Льюиса; роман «Мельмот скиталец» (1820) Чарльза Метьюрина; роман «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818) Мэри Шелли; рассказ «Вампир» (1819) Джона Полидори, а в том числе и «Остров Борнгольм» (1794) Карамзина и др.) мы проводим анализ на четырёх ключевых уровнях структуры художественного текста (мироощущение, характеры, мотивная комбинаторика, сюжетостроение) и, не претендуя на окончательное решение вопроса, предлагаем следующие критерии идентификации:

Во-первых, мы исследуем соответствующее **мироощущение**. В литературе «таинственного и ужасного» оно определяется понятием «готическое», то есть «средневековое» – именно в том смысле, который вкладывал в него Уолпол, создавая «Замок Отранто» (1764) (на титуле последующих публикаций было написано англ. «a gothic story» – «готическая история / повесть»). Если по Вальтеру Скотту, то в произведениях этого жанра реконструируется мистическое чувство, когда окружающий мир наполнен тайнами, знаками, смыслами, которые ждут расшифровки. И это отнюдь не «светлое» чувство. В «готике» доминируют иррационализм, пессимизм и тревожное предчувствие приближающейся катастрофы (в религиозно-эсхатологическом ключе),

²² Вацуро. С. 3

²³ Summers. P 24

²⁴ Малкина В.Я., Полякова А.А. «Канон» готического романа и его разновидности // Готическая традиция в русской литературе // В.Я. Малкина, А.А. Полякова и др.; под ред. Н.Д. Тмарченко. М.: РГГУ, 2008. С. 16-17.

пусть даже ограниченной местом, семьёй, судьбой персонажа и т.п. Это мир, поражённый грехом, мир «перевернутой церкви». Во-вторых, на уровне **характерологии** мы разыскиваем подобия демонического имморалиста-преступника и трёх самых распространённых его образов – трагического властителя, проклятого скитальца, ведомого грешника. А также нас интересуют персонаж-гость, «хроникёр» (у обоих, как правило, функция проникновения в тайну), жертва имморалиста, «демон-искуситель», «демон-помощник». В-третьих, мы анализируем **комбинации мотивов**. Ключевой комплекс которых в готике состоит из страшной тайны (сюжетообразующий мотив), уединённого / изолированного и структурно «запутанного» / сложного места действия (чаще всего отражает психологию центрального персонажа-злодея) – это может быть и замок, и монастырь, и особняк, и дом, и хутор и др. В этой же конструкции и явление мертвеца, заточение / погребение заживо, преследование, нечестивое собрание (напр. шабаш), «оборотничество», приглашение в свой дом нечисти, а также нечисть, влюблённая в человека (или наоборот) и др. типично готические мотивы. В-четвёртых, сравниваем **сюжетные схемы**. Основа действия в произведениях «таинственного и ужасного» – это проникновение персонажа («гостя», «хроникёра») в страшную тайну героя-имморалиста и обнаружение «сокрытого» – жертвы: результата прошлых / нынешних преступных действий, нарушенных табу.

В качестве ориентира мы привлекаем и целый корпус русских произведений, тяготеющих к традиции «таинственного и ужасного» или даже соответствующих «готике» как жанру: «Сиерра-Морена» (1795), «Дремучий лес» (1795) Н.М. Карамзина; «Дон Коррадо де Геррера, или дух мщения варварства гишпанцев» (1803) Н.И. Гнедича; повесть «Лафертовская Маковница» (1825) А.А. Перовского (Антония Погорельского); «Уединённый домик на Васильевском» (1728) В.П. Титова и А.С. Пушкина; «Вечер накануне Ивана Купала» (1830), «Страшная месть» (1831), «Вий» (1833) Н.В. Гоголя; «Страшное гадание» (1830) А.А. Бестужева (Александр Марлинский); «Кто же он?» (1831) Н.А. Мельгунова; «Киевские ведьмы» (1833) О.М. Сомова; роман «Гудишки» (1831) Надежды Дуровой; повесть «Упырь» (1841) графа А.К. Толстого; «Косморама» (1840) князя В.Ф. Одоевского и др.

Цель исследования – выявить и описать связи русского антинигилистического романа / повести 1860-1870 гг. с готической прозой (зарубежной и отечественной) второй половины XVIII – первой половины XIX в.

Задачи данной работы:

1) Рассмотреть проблему «жанрового синкретизма» русской антинигилистической прозы, чтобы определить в ней место поэтики «таинственного и ужасного»;

2) Разграничить влияние исторического романа и романа готического на антинигилистическую прозу;

3) Обсудить темы тирании и революции в произведениях этих жанров;

4) Описать принципы адаптации персонажей «готики» в антинигилистической прозе (образы Василия Свитки, Пшецыньского и Подвилянського, Константина Хвалынцева, Нюты Лубянской [«Кровавый пуф»] и типы «проклятого скитальца», «демона-искусителя», «подстрекателя», «ведомого грешника / грешницы», «жертвы»; Ольги Бровской, Веры Чужаевой [«Кружковщина»], Глафиры Бодростиной [«На ножах»] и «ведомой грешницы», «жертвы» и «демонессы»; Петра Верховенского и Николая Ставрогина [«Бесы»] и «демона-помощника» и «иммoralиста-преступника» и т.д.).

5) Сопоставить комбинации мотивов литературы «таинственного и ужасного» (ожившего мертвеца, нечестивого собрания, «оборотничества», договора с нечистой силой, нерассказанной истории, погребения заживо, кровожадной толпы, приглашения в свой дом нечисти, адского пламени и др.) и антинигилистической прозы.

6) Сопоставить сюжетные структуры готической литературы и антинигилистического романа и повести.

Методология исследования. Задачи предполагают привлечение сравнительно-исторического и культурно-исторического методов исследования. Одновременно с этим в работе используются частные приемы характерологического, мотивного и сюжетного анализа текстов. Понятие «прием устрашения» рассматривается нами в связи с идеологической борьбой, развернувшейся в 1860-1870 гг. вокруг понятия «нигилизм». Механизм действия художественного приема мы рассматриваем, вслед за А.К. Жолковским и Ю.К. Щегловым, как инструмент «преобразования» определённой темы, важной для автора, в художественный текст, оказывающий нужный «эффект» на читателя²⁵. В нашей работе под «приёмами выразительности» подразумеваются «приёмы» готической прозы, под «темой» – аспекты мировоззрения и деятельности нигилистически настроенной части российской общественности 1860-1870 гг., а под «художественным текстом» – синтез «темы» и «приёма», содержащий апелляцию к страху читателя.

Научная новизна работы заключается в том, что она представляет собой первый обстоятельный анализ антинигилистических романов / повестей на предмет связи с готической прозой. Ранее не утверждалась преемственность «таинственного и ужасного» в антинигилистической прозе (как признака жанра) от прозы готической. Мы демонстрируем историческую обусловленность данной преемственности. В частности,

²⁵ А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов. Работы по поэтике выразительности: Инварианты–Тема–Приемы. М.: Прогресс, 1996. С 290-292

впервые обосновывается происхождение мотивов, характерологии и сюжетики повестей Дьякова и романа Мещерского от отдельных произведений русского романтизма и сентиментализма, тяготевших к готике.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что алгоритм предпринятого исследования может послужить практическим руководством для изучения произведений других жанров второй половины XIX в. на предмет связей с готической прозой. Работа расширяет представление о соотнесённости разных стадий литературного процесса: с одной стороны – русский реализм, с другой – произведения европейского предромантизма и романтизма, русского сентиментализма и романтизма.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть применены для формирования учебно-методических комплексов высшего образования по истории русской литературы XIX в. Также результаты работы могут использоваться в качестве материала для комментариев в научных и научно-популярных изданиях произведений русской классической литературы.

Положения, выносимые на защиту:

– В ряду жанровых традиций, на которые ориентированы антинигилистические романы и повести, важное место занимает готическая проза;

– Готическая литература, изначально сфокусированная на изображении ужасов тирании, стала источником приёмов и для изображения ужасов революции (революционной тирании), а также – «демонизации» нигилистов;

– Оформление контрреволюционной идеи (революция как *ужасное*) произошло ещё в «Аглае» (1794-1795) Карамзина, где в рамках единой конструкции альманаха готический ужас («Остров Борнгольм», «Сиерра-Морена», «Дремучий лес») оказался впервые связан с темой революции, понимаемой как гибель цивилизации, возвращение к варварству (письма Мелодора и Филалета, а также соответствующие речи героя-повествователя в «Острове Борнгольме»);

– В обоих жанрах доминируют пессимизм, безысходность, тревожность, осуществляется попытка реконструировать мистическое ощущение (средневековое / «готическое»), когда всё вокруг наполнено сокрытыми смыслами, эсхатологической символикой (апокалиптической и / или революционной);

– Произведения обоих жанров имеют антипросветительскую направленность. «Таинственное и ужасное» оппозирует Просвещению и просветительской прозе, антинигилизм – материализму, утилитаризму в искусстве, позитивизму в философии и «нигилистической» прозе. Картина мира в обоих жанрах иррациональна, поступками

людей, историческими процессами руководит не разум, а стихии страстей и незримая рука возмездия, божественного / вселенского или дьявольского;

– Характер большинства антагонистов антинигилистической прозы формируется на основе идеологий, развившихся задолго до появления литературного нигилизма. Типичные для готических антагонистов «титанизм» («перекраивание мира» и богоборчество), вампиризм (поглощение жизни), оборотничество («тёмная сторона» естества / скрытые «злые» намерения) объединились с романтическим бунтарским индивидуализмом и типично реалистической уголовной преступностью;

– Готические модели героя-иммoralиста (трагический властитель, проклятый скиталец, вedomый грешник) и общая система персонажей (иммoralист, герой с сюжетной функцией ключа к тайне, хроникёр, жертва, «демон-помощник», «демон-искуситель») функционально подобны образам героев антинигилистической прозы;

– В антинигилистической прозе воспроизводятся системы ключевых мотивов готической литературы (страшная тайна, договор с нечистой силой, нечестивое собрание, явление мертвеца, тайный сговор, заточение / погребение заживо, уединённость и сложность / запутанность места действия и др.);

– В антинигилистических произведениях осуществилась идеологическая трансформация известных готических мотивов, которые, сохранив формальную структуру, изменили содержание в соответствии с новым историческим контекстом (например, место «нечисти» занял «нигилист», нечисть социальная);

– На периферийном уровне сюжетостроения антинигилистических произведений нашла реализацию типичная готическая сюжетная схема: проникновение персонажа в страшную тайну иммoralиста и обнаружение «сокрытого» – жертвы преступления, нарушенного табу;

– Роман В.П. Мещерского «Тайны современного Петербурга» (1875) генетически связан с повестью В.П. Титова и А.С. Пушкина «Уединённый домик на Васильевском» (1828). Воспроизводятся комбинация основных мотивов, характерология и сюжетная схема

– Повесть «Из записок социал-демократа» (1875) А.А. Дьякова ориентирована на произведения Н.М. Карамзина («Остров Борнгольм», «Сиерра-Морена», «Бедная Лиза»). А повесть «Фатальная жертва» (1876) – на «Киевских ведъм» (1833) О.М. Сомова.

Апробация. Результаты диссертационного исследования были представлены в рамках защиты научно-квалификационной работы (НКР), отражены в 7 научных публикациях, 5 из которых осуществлены в изданиях, рекомендованных ВАК РФ и

Учёным советом МГУ имени М.В. Ломоносова. Материалы исследования были представлены на двух научных конференциях:

– Всероссийская научно-практическая конференция «Литература и кино в поисках общего языка» (Владимир, 2012);

– Международная научная конференция «А.С. Пушкин и русская литература», приуроченная к 220-летию со дня рождения поэта (Москва, 2019).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав («Литературный процесс и исторический контекст», «Характеры и эсхатология», «Мотивы и сюжеты»), заключения, списка литературы, состоящего из 352 позиций (материалы на русском, английском, немецком и французском языках) и двух приложений («Краткая история русской антинигилистической прозы», «Сводная таблица тем антинигилистической полемики, приёмов готической прозы и художественного текста, апеллирующего к страху»). Материал изложен на 288 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В главе 1 «Литературный процесс и исторический контекст» в параграфе 1.1 «О “жанровом синкретизме” антинигилистического романа» мы показали, что антинигилистические романы и повести – особая форма социально-политической полемики. Авторы сосредоточились на анализе тёмных сторон революционного движения 1860-1880 гг. и транслировали своё особое видение мира – мрачное, пессимистичное, с предчувствием катастрофы в будущем. В соответствии с этим мироощущением и подбирались (интуитивно или осознанно) наиболее подходящие художественные формы (модели персонажей, комбинации мотивов, сюжетные схемы и проч.) для организации актуального новостного, бытового и культурного материала, связанного с проблематикой нигилизма. В антинигилистической прозе можно обнаружить одновременное влияние самых разных жанров, известных писателям третьей четверти XIX века. Но влияние готической литературы было одним из доминирующих. Поэтика готики вполне отвечала задачам «эмоционального-волевого воздействия» антинигилистических произведений. А именно – желанию устрашать. Вместе с тем антинигилистическая проза была вполне готова к восприятию «таинственного и ужасного». К третьей четверти XIX века готика уже глубоко интегрировалась в русскую литературу. И каждый из рассмотренных нами авторов антинигилистической прозы знал готическую литературу и оказался в той или иной степени под её влиянием.

Следы «чёрного» романа есть как и в художественных произведениях, так и в публицистических, включая и литературу революционеров (напр. прокламация «Свобода» (1862), статья Герцена «Исполин просыпается!» (1861), «Заживо погребённые» Долгушина (1878) и др.). В советский период исследователи (А.И. Белецкий, Ю.С. Сорокин, А.И. Батюто, А.Г. Цейтлин и др.) заметили в антинигилистической прозе элементы вполне соотносимые с готикой, а именно с системой её мотивов, но не указали конкретно на влияние литературы «таинственного и ужасного».

Разграничив воздействие исторического романа и романа готического на антинигилистическую прозу, мы заключили, что разговор об элементах первого уже содержит в себе вопрос о влиянии готики. Исторический роман первой трети XIX века был сформирован на базе литературы «таинственного и ужасного». Это прослеживается и в русской исторической прозе – в «Ледяном доме» (1835) И.И. Лажечникова, «Князе Курбском» (1843) Б.М. Фёдорова, «Дмитрии Самозванце» (1830) и «Мазепе» (1933) Ф.В. Булгарина²⁶ и т.д. Поэтому устойчивое мнение о связи антинигилистической прозы с историческим романом справедливо и в отношении связей с готикой. Мы имеем дело, по сути, с одними и теми же характерологией и комбинацией мотивов. Безусловно, картины мира обоих схожи (христианская космология, дихотомия Бога и Дьявола, «светлого» и «тёмного», «историзм» – ориентация на контекст конкретной эпохи – романтическое восприятие средневековья, «антиквареизм» – использование средневековой атрибутики, также есть мистические явления, фантастические существа демонического спектра и связанные с ними сюжетные схемы и др. признаки). Но отличия между произведениями обоих жанров заключаются в том, что авторская задача в готике – заинтриговать и ужаснуть читателя, погрузить в мир тьмы, где зло доминирует, а страшная тайна, вокруг которой выстроен сюжет, скрывает грех, нарушенное табу, повлекшее вереницу кошмарных событий (поэтому готика во многом дидактична). Задача же исторического романа – реконструкторская, т.е. реставрация конкретной исторической действительности. И в этом смысле изображение подлинных событий 1860-1870 гг. в антинигилистической прозе преимущественно связано с традицией исторического романа. А создание атмосферы страха, безвыходности, беспомощности, повсеместного «гниения» жизни, наполнение художественного пространства профетическими и эсхатологическими мотивами – в большей степени опирается на готику. Торжество греха и ощущение грядущей катастрофы соответствует антиреволюционным настроениям русской патриотической интеллигенции 1860-1870 гг.

²⁶ Вацуро В.Э. Готический роман в России; составление и подготовка текста по черновой рукописи Т.Ф. Селезнёвой. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 481-482, 485

В параграфе 1.2 «“Тирания” и “революция” как контексты» мы показали, что тождество понятий «нигилизм», «революция», «революционная тирания» в антинигилистическом романе обусловлено исторически. Эта смысловая линия в русской публицистике была намечена ещё в 1820-ые гг. и в дальнейшем не прерывалась. Речь, прежде всего, о текстах Н.И. Надеждина²⁷, С.С. Уварова²⁸, С.П. Шевырёва²⁹, Ф.И. Тютчева³⁰, М.Н. Каткова³¹, В.П. Мещерского³², А.А. Дьякова³³ и др.

Жестокое навязывания своей воли – будь то государственная деспотия или революционная тирания – центральная тема и в готической, и в русской антинигилистической прозе. В литературе «таинственного и ужасного» актёрами насилия оказываются герои-иммориалисты – трагические властители, ведомые грешники, проклятые скитальцы, нарушающие законы государства и общечеловеческие табу, и в этом смысле бросающие вызов мирозданию, самому Богу. А в антинигилистической литературе – это политические радикалы: маленькие безжалостные диктаторы, стремящиеся принудить Россию к революции. Писатели-антинигилисты увидели в нигилистах-революционерах тиранов, а революция ассоциировалась исключительно с террором.

Расцвет «готики» – 1790-ые гг. – хронологически выпал как раз на период Великой французской революции – 1789-1799 гг. Произошедшее во Франции потрясло все монархии Европы. И в готике стали появляться и реминисценции, и прямые отсылки к событиям тех лет (см. «Монах» (1794) М. Льюиса, «Мельмот скиталец» (1820) Ч. Метьюрина, «Дон Коррадо Де Гереро, или духа мщения варварства гишпанцев» (1803) Н.И. Гнедича, «Пророчество Казота» (1806) Жана-Франсуа де Лагарпа и др.). И тождество

²⁷ Надеждин Н.И. Сонмище нигилистов (Сцена из литературного балагана) // Вестник Европы. 1829. Январь-февраль. С. 3–42.

²⁸ Уваров С.С. 1) О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения // Река Времени: Кн. истории и культуры.: Кн.1. Государь. Государство. Государственная служба. М.: Эллис Лак: Т-во "Река Времени", 1995. С. 70-72. 2) Отчет по обозрению Московского // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. 1825-1839. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1875. Стб. 503-529.

²⁹ Шевырёв С.П. 1) Взгляд на современное направление русской литературы [вступительная статья] // Москвитянин. 1842. Ч. 1. № 1. С. 1-32. 2) Взгляд Русского на современное состояние Европы // Москвитянин. 1841. № 1. С. 219-296

³⁰ Тютчев Ф.И. Россия и революция // Полное собрание сочинений. СПб.: Т-во А. Ф. Маркс, 1913. С. 456–474.

³¹ Катков М.Н. 1) Беспорядки в высших учебных заведениях // Собрание передовых статей Московских ведомостей: 1869 год. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 303–310. 2) О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева // Русский вестник. 1862. Т. 40. № 7. С. 402-426. 3) Заметка для издателя «Колокола» // Русский вестник. 1862. Т. 39. № 6. С. 834-852. 4) Кое-что о прогрессе // Русский вестник. 1861. Т. 35. № 9. С. 107 – 127. 5) Старые боги и новые боги // Русский вестник. 1861. Т.31. №1. С. 891-904.

³² Мещерский В.П. Нигилизм // В улику времени / соч. Кн. В. Мещерского. СПб.: тип. Котомина, 1879. 287 с.

³³ Дьяков А.А. Нигилизм и литературное развитие // Кружковщина. "Наши лучшие люди - гордость нации". Рассказы А. Незлобина. Одесса.: изд. Н. Цитовича, 1879. Вып. 3. С. 1 – 98.

«революция – тирания», «революционер – деспот», позже осуществлявшееся в русском антинигилистическом романе 1860-1880 гг. в ключе «таинственного и ужасного», было лишь продолжением концепций, наметившихся в 1790-ые гг.

В жизни многих сторонников французской революции произошёл мировоззренческий переход к консерватизму. Например, у Жана-Франсуа де Лагарпа, автора готического «Пророчества Казота». Так же было и у ключевых авторов антинигилистического романа (Достоевский, Крестовский, Дьяков и др.): переход от «революционного» к «антиреволюционному».

В альманахе «Аглая» (1794-1795) Карамзина, где появилась первая русская готическая проза, уже была задана модель, в которой «готика» («тайны и ужасы») – «Остров Борнгольм» (1794), «Сиерра-Моррена» (1795), «Дремучий лес» (1795) – соединена с идеями «революция – тирания», «революция – предвестие гибели европейской цивилизации» – письма «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору» (1795). Эта модель впоследствии и была развёрнута в антинигилистической прозе. Письма Филалета и Меладора наполнены отчаянием и страхом. Революция мыслится как нашествие дикарей. И от этой концепции русская патриотическая интеллигенция уже не отступала. С «варварством» сблизил «нигилизм» и критик Н.И. Надеждин в своём памфлете 1829 года «Сонмище нигилистов (Сцена из литературного балагана)». «Нигилизм» и «революция» представлялись как явления «дохристианские», «языческие», отсюда и эсхатологическая мысль о приближающейся гибели европейской цивилизации. «Антихристианство», а по сути – «перевернутый мир» (аналогично «перевернутой церкви», «шабашу»), было мотивом, сопутствующим изображению кружков нигилистов (повести «Кружковщины», «Бесы», «На ножах», «Две силы» и др.)

Монтегю Саммерс, один из самых авторитетных исследователей готики, употребил понятие «нигилисты» (единожды в своей книге «The Gothic quest: A history of the Gothic novel» («Готический квест [поиск]: История готического романа») (1938)) в связи с тайными обществами, зловещими заговорами и революцией, обсуждая готический роман Карла Гроссе «Гений. Таинственные приключения дона Карлоса де Гранде» (1794). И «Кровавый пух» Крестовского на уровне сюжетной линии Константина Хвалынцева с произведением Гроссе схож.

Важно и то, что классическая готическая проза – оппозиционна Просвещению. Гораций Уолпол, возрождая в «Замке Отранто» дух средневековья и дискутируя с Вальтером, выстраивал оппозицию просветительскому роману. Готическая проза – иррациональна, разум в её художественном мире не правит. Поэтому Уолпол и обратился к «готическому» прошлому, пытаясь реконструировать мистическое мироощущение

средневекового человека. В этом смысле оппозиция готического романа просветительскому – аналогична оппозиции антинигилистического романа нигилистическому, базирующемуся на жёстком материализме (единственно истинной картине мира, с точки зрения её приверженцев). И это с учётом того, что нигилисты, распространяя естественно-научные знания, считали себя просветителями.

В 1860-1870 гг. в патриотической печати (К.В. Трубников «Источники смуты и опоры крамолы» (1880), А.П. Мальшинский «Обзор социально-революционного движения в России» (1880), публицистика М.Н. Каткова и др.). нигилисты сопоставлялись именно с якобинцами, силой, произведшей на тот момент самое ужасающее впечатление во всей истории европейских революций. В русских нигилистах увидели таких же радикальных социальных «уравнителей» (эгалитаристов), разрушителей культуры, ненавистников искусств, ассоциировавшихся с хорошим вкусом, аристократичностью и проч. Революция была невозможна без тотального отрицания всех культурных и политических основ, на которых стоял старый порядок.

М.Н. Катков сформулировал концепцию «управляемого нигилизма», которая стала доминирующей в ключевых произведениях антинигилистической прозы. И мы видим, что практиками «управляемого нигилизма» в антинигилистической прозе оказались и агенты польских повстанческих организаций («Кровавый пуф» Крестовского), и герои, замыслившие уголовное преступление с целью наживы («На ножах» Лескова), и революционеры-мошенники («Бесы» Достоевского), и тунеядствующие вожди кружков, живущие на деньги распропагандированной молодёжи («Кружковщина» Дьякова) и др. Тема «управляемого нигилизма» раскрывается с помощью модели «ведомого грешника», активно применявшейся в готической прозе: взаимодействие между, условно, «демоном-искусителем» и «имморалистом», подталкиваемым к гибели (Трутнев и Ольга Бровская в «Фатальной жертве» Дьякова, Свитка и Хвалынцев в «Кровавом пуфе», Верховенский и Ставрогин в «Бесах», Бодростина и Горданов с Висленевым в романе «На ножах» и т.д.)

В главе 2 «Характеры и эсхатология» в параграфе 2.1 «Готическая проза и генезис литературного нигилиста» мы показали, что принцип «социального дарвинизма» (безусловная доминанта мировоззрения нигилиста 1860-1870 гг.) стал ключевой в антинигилистической рефлексии. Писатели увидели ужас бесчеловечности в попытках перенести законы естественного отбора на отношения между людьми. Дилеммы, связанные с «социальным дарвинизмом», аналогичны вопросам готической литературы. Во-первых, это «титанизм» (право на бунт против Бога и «перекраивание мира»). «Великое отрицание», «самоубийство», «жестокость» соединены в нигилисте с «революционностью» – «титанической» борьбой с царём и Богом (религией) – а вместе с

тем связаны с преступностью – как и в высоком трагическом смысле (преступать закон, рискуя свободой и жизнью ради лучшего будущего для грядущих поколений), так и в низком – уголовном.

Во-вторых, это «вампиризм» (право на «поглощение жизни» для продолжения своего собственного существования – в буквальном или социально-политическом смыслах). Есть два мотива, сопутствующих и вампирам (типичным «проклятым скитальцам» готической прозы), и политическим радикалам антинигилистической литературы: приглашение в свой дом нечисти и нечисть, влюблённая в человека (или наоборот).

В-третьих – «оборотничество» («тёмная сторона» естества, или скрытые «злые» намерения). Антагонисты нигилистической прозы не только меняют «маски», скрывают свои подлинные замыслы, но и чаще всего оказываются неспособными противостоять «злumu» / деструктивному / «опасному» внутри себя (Василий Свитка, Ставрогин, Ардальон Полояров).

Таким образом, характер большинства антагонистов антинигилистической прозы формируется практически неизменным «синкретичным» комплексом из идеологий, развившихся задолго до появления литературного нигилизма. «Готические» титанизм, вампиризм, оборотничество объединились с романтическим бунтарским индивидуализмом и типично реалистической уголовной преступностью. Антинигилистической литературой был перенят и комплекс приёмов утращения / демонизации (для формирования особого представления о нигилисте как носителе деструктивных для государства и личности воззрений).

В параграфе 2.2 «Эсхатологическая символика и “демонизация”» показано, что нигилист – это «актор» разрушения мира, главный субъект действия, по сути – «социальный демон». Отсюда и эсхатологическая символика – наполнение художественного пространства антинигилистических произведений знаками приближающегося конца света – революции. Аналогично и в готике, но в религиозном ключе, а не социально-политическом. Преступник-иммoralист, в котором персонифицирована «злая сила», каждым своим поступком, нарушающим табу, свидетельствует о грядущей глобальной катастрофе. Мир, поражённый грехом, рухнет. Это идея и готики, и антинигилистического романа.

Предчувствие революции в антинигилистической прозе схоже с тем, чего добивались авторы готики – реконструкции мистического ощущения средневекового человека, когда всё вокруг наполнено тайным смыслом, и за всем этим стоят силы, недоступные человеческому пониманию. Пророчества звучат на страницах

антинигилистических текстов, приоткрывая завесу таинственного пугающего будущего, событиям которого ещё только предстоит получить исторический ход. Также и у Лагарпа в готическом «Пророчестве Казота» (1806) профетизм связан исключительно с темой ужасов революции. В обоих жанрах по сути описывается сам процесс движения к глобальной катастрофе. Но в литературе тайн и ужасов речь идёт о человеческом бытии вообще, а у русских антинигилистов «конец света» локализован в границах России. Ожидается пламя революции, после которого русский мир прекратит своё существование. В готике и в антинигилистической прозе «силы тьмы» обычно торжествуют, многие преступники-иммoralисты остаются ненаказанными. По крайней мере, читатель может лишь размышлять, настигнет злодея возмездие или нет, или это уже в какой-то степени произошло.

В произведениях антинигилистической прозы и готики идёт война между «грешниками» и «праведниками». И «простота» противопоставления антагонистов и протагонистов в данном случае является следованием христианскому канону борьбы между «миром тьмы» и «миром света», «градом земным» и «градом небесным». Социальным же «демонам» антинигилистической литературы – личностям из сфер студенчества, разночинной интеллигенции, чиновничества (преимущественно мелкого), а также духовенства, например – священник-атеист отец Валентинский из «Тайн современного Петербурга» – присущи вполне традиционные демонические черты.

Если в христианской трактовке «демон» отождествляется с «бесом» и рассматривается как «подручный Сатаны», то «нигилист» является «посланником» и «служителем» Революции. В христианстве и фольклоре демоны мыслятся как враги человеческого рода, противники святой троицы и ангелов, а кроме этого – ненавистники брака, стремящиеся всячески его разрушить. Это соответствует отрицанию нигилистами брака как социального института. Демонам приписывается и возможность проникновения в ход человеческих мыслей и вкладывания в ум внушений, а кроме этого – частая смена лиц, маскировка / переодевания, что близко «оборотничеству». Это вполне соответствует пропагандисткой деятельности революционеров. Ассоциирование нечистоты, грязи с силами зла, тьмой, сатанинским – типично для религиозно-мифологической картины мира. И в образах нигилистов мы видим нарочитую небрежность, «антиэстетизм», связанный с «антиаристократизмом». В них же доминируют тёмные цвета в одежде, есть животные черты.

В ключе фольклорных представлений о «демоническом» образы нигилистов достаточно подробно проанализировала Н.Н. Старыгина³⁴ (но о влиянии готической литературы она не говорила). Но большинство демонических признаков, подмеченных Старыгиной в нигилистах, соответствуют и типичным моделям готического «иммориалиста-преступника», а именно – трагическому властителю, ведомому грешнику, проклятому скитальцу, повлиявшим на формирование антагонистов антинигилистической прозы.

Современники нигилизма связывали его распространение и с ослаблением христианской веры. «Эсхатологическое» и «демоническое» в готике и антинигилистической прозе связано с «богоборчеством» и в обоих жанрах оно усугублено и до открытого служения «тьме» – до культивирования греха, преступности, как и в ключе религиозной, традиционной морали (табу), так и в уголовном смысле. И мы сталкиваемся с «перевернутой церковью», с миром вне Бога, вне Христа (осквернение религиозной атрибутики, искажение обрядов, замена «светлого», «чистого» и т.д. на «тёмное», «грязное», подмена красоты уродством). Поэтому Дьяков в «Фатальной жертве» и провёл параллель между кружком нигилистов-революционеров и ведьмовским шабашем, и делал это по образцу «Киевских ведьм» О.М. Сомова. И «осквернение» здесь – доминирующий мотив. В антинигилистической прозе он интерпретирован в социально-политическом ключе (в Бесах: «мерзкие фотографии» порнографического содержания, подsunутые книгоноше в мешок с «Евангелиями», мышь, пущенная Верховенским в икону Богородицы, «материалистическая месса» как аналог «чёрной мессы», но в травестийном изображении – сочинения Фохта, Молешотта и Бюхнера, расставленные вместо икон; в «Двух силах»: окутанные тайной «кинжалыщики», скрывающиеся в древних катакомбах, где монахи приводят их к присяге и благословляют на тайные убийства и др.)

«Перевернутой церковью» совершенно другого рода, нежели «сатанизм», является «сектантство». В романе «На ножах» Лескова среди интеллигенции расползается спиритизм, а среди простого народа – причудливые псевдохристианские, а то и почти языческие, культы. Нигилисты своей «атеистической проповедью» отворачивали простой народ от Христа, но народ, как мы видим это у Лескова, не принимал естественно-научную картину мира, а пробуждал в себе самые мрачные и опасные суеверия.

В параграфе 2.3. «Контраст “высокого” и “низкого”, “смешного” и “страшного”» мы показали, что этот приём вполне отвечал одной из задач «эмоционального-волевого воздействия» антинигилистических произведений. А именно – желанию насмешить.

³⁴Демонические знаки в антинигилистическом романе как выражение авторской ценностно-мировоззренческой позиции // Проблемы исторической поэтики. 1998. №5. С. 203-221

Единство этих противоположностей связано с принципами, заложенными ещё Горацием Уолполом, создателем готического романа. Это художественный приём, направленный на усиление негативного впечатления – ужаса – от действий антагонистов. Неожиданно для читателя они оказываются способны на злодеяния, которые из-за общего комического фона невозможно и предположить. Так комизм в антинигилистической прозе соседствует с «уголовщиной», с ужасом от действий людей, настроенных вульгарно материалистически, и готовых воплощать в общественной жизни принципы дарвинизма – естественную (и по неразумности своей – беспринципную) борьбу за существование.

В параграфе 2.4 «Персонажи готической литературы в антинигилистической прозе» сопоставлена характерология обоих жанров. Место нигилиста в системе персонажей антинигилистического произведения аналогично месту готического злодея в произведениях «таинственного и ужасного». Это положение антагониста в группе «иммориалист-преступник – персонаж, проникающий в его тайны – жертва преступника». Система «злодей – жертва» в связи со всеми признаками литературы тайн и ужасов повлекла и воспроизведение в антинигилистической прозе трёх основных моделей готического иммориалиста – трагический властитель, ведомый грешник и проклятый скиталец. И они оказались готовыми моделями для формирования персонажей-антагонистов антинигилистической прозы. Модель «трагического властителя» подошла для раскрытия тоталитарной / диктаторской сущности нигилистического мировоззрения (Василий Свитка, Ардальон Полояров, Глафира Бодростина и др.). Модель «ведомого грешника» в антинигилистическом романе воспроизводится в образах, пропагандированных / спровоцированных Константином Хвалынцевым, Иосафом Висленевым и Гордановым, «наших» из романа «Бесы», Бровской и Чужаевой из повестей Дьякова. Что касается модели «проклятого скитальца», то в русском антинигилистическом романе она используется для придания антагонисту одержимости (революцией) и почти сверхъестественных черт: невероятная физическая сила, дар внушения, быстрые транспространственные перемещения («прыжки») и др. (тот же Василий Свитка, Ставрогин, Верховенский и др.)

Николай Ставрогин связан с героем Метьюрина, а также оказался сильно схожим с демоническим Мальдорором Изидора Дюкасса.

В антинигилистической прозе есть соответствия и с системой персонажей-протагонистов готики: «гость» (некто пришлый), «хроникёр» и «исповедник» (оба выполняют в сюжете функцию «ключа к тайне»), а также «жертва». «Ключ к тайне» – это персонаж, проникающий в мир страшных секретов героя-злодея. В романе «Бесы» – это Антон Лаврентьевич Г-в (модель «хроникёра»), а в главе «У Тихона» – сам старец Тихон

(и «исповедник»). В «Тайнах современного Петербурга» князя Мещерского – магистр юридического права Степан Боб («хроникёр» и «гость») и др. Как и в готической прозе, в антинигилистической есть «жертва», преследуемая «иммoralистом-преступником» (Нюта Лубянская, Шатов, старик Бодростин, мать семейства Емельяновых, Ольга Бровская и др.) «Жертва» и «ключ» – работают на максимальную реализацию образа «иммoralиста-преступника», сущность которого должна раскрыться, а основы его идеологии – обрушиться, по крайней мере в представлении читателя. Есть в антинигилистической прозе соответствия и по готическим персонажам второго плана: «суетливый спутник» при персонаже-жертве или при «персонаже-ключе», а также «демон-помощник» и «демон-искуситель» при иммoralисте-преступнике. Модели «демона-помощника» и «демона-искусителя» воспроизводятся, например, в Петре Верховенском в «Бесах» (линия взаимоотношений с Николаем Ставрогиным), в «кружковском идоле» Трутневе в «Фатальной жертве», Василии Свитке и тайных польских агентах, орудующих на территории России в дилогии «Кровавый пуф».

В третьей главе «Мотивы и сюжеты» в параграфе 3.1 «Мотивы “таинственного и ужасного” и социально-политический контекст» мы показали, что идеологическая трансформация персонажей готики неминуемо влечёт и реинтерпретацию связанных с ними мотивов. Таким образом, готический мотив в антинигилистическом произведении оказался адаптированным к социально-политическому контексту времени и получил публицистическое значение. Например, в «Тайнах современного Петербурга» мотив приглашения в свой дом нечисти трансформировался в приглашение «нигилиста» («нечисти социальной»).

Готические мотивы в антинигилистической прозе образуют целые системы и именно в той комбинаторике, какая характерна для классических произведений «таинственного и ужасного». Например, комбинация «преследование – убийство ради наследства или власти – подделанное завещание – явление мертвеца – возмездие – заточение (или добровольный аскетизм)» в романе «Замок Отранто» (1764) Уолпола повторяется в романе Лескова «На ножах» (1870). И в обоих случаях «призрак» (явление мертвеца как мотив) оказывается предвестием грядущей катастрофы, крушения дома. А рассмотрев комбинацию «богоотступничество – смерть (убийство) матери – нечисть, испытывающая любовную страсть к человеку» в романе «Монах» (1794) Льюиса и в повести «Уединённый домик на Васильевском» (1828) Титова и Пушкина, а также в «Упыре» (1841) А.К. Толстого, мы увидели, что она в точности воспроизводится в «Тайнах современного Петербурга» (1876) В.П. Мещерского. И в каждом из этих произведений присутствует мотив приглашения в свой дом нечисти. Аналогично и с комбинацией

«скитальчество – “оборотничество” – тайный сговор – предательство и клятвопреступление – введение в заблуждение – договор с нечистой силой», присутствующей и в романах «Мельмот Скиталец» (1820) Метьюрина и «Монах» Льюиса (см. образы Матильды, Кровавой монахини, Вечного жида), и в повестях «Страшная месть» (1831) Гоголя и «Ватек» (1782) Бекфорда. Эта комбинация мотивов воспроизводится в «Кровавом пуфе» (1869-1874) Всеволода Крестовского (см. образы Василия Свитки, Константина Хвалынцева). У Крестовского же мы встречаем и мотив пожара (горящего города / огня в городе), присутствующий и в «Монахе», и в «Мельмоте Скитальце». И описание пожара в «Панурговом стаде» во многом повторяет сцены из готического романа Метьюрина, где описывается полыхающая тюрьма испанской инквизиции и Великий лондонский пожар 1666 года, устроенный, по слухам, «попистами» – английскими католиками, ненавидящими англиканскую церковь и британского монарха.

В параграфе 3.2 «Сюжетная схема и её антинигилистическая реализация» мы сопоставили «готическую» сюжетную схему с сюжетной конструкцией в антинигилистических произведениях. Мы сфокусировались на следующих линиях: Убийство Михаила Бодростина («На ножках»), Убийство Шатова и самоубийство Матрёши («Бесы»), Нюта Лубянская во власти «чудовища» (Ардальона Полоярова) («Панургово стадо»), Самоубийство Ольги Бровской («Фатальная жертва»), «заточение» Веры Чужаевой («Из записок социал-демократ»), покушение на убийство Константина Хвалынцева («Две силы»), убийство матери собственными детьми в семействе Емельяновых («Тайны современного Петербурга»). Сюжетное действие готической прозы направлено на раскрытие страшной тайны, разоблачение злодея и, как правило, свершения возмездия над ним. Такие же цели преследовала и литература антинигилистическая, но позицию «иммoralиста-преступника» занимал «нигилист» / «революционер» / «заговорщик». Задача проникновения в тайну, стоящая перед персонажем с сюжетной функцией «ключа», образует следующую сюжетную схему, каноническую для жанра готической прозы: «Ключ – Замок – Дверь – Сокрытое». Где «Замок» – это «иммoralист-преступник», «Дверь» – страшная тайна, «Сокрытое» – жертва (результат преступления / нарушения табу, повлекшего череду ужасных событий). Таким образом, задача персонажа с сюжетной функцией «ключа» – подобраться к «Замку» (сориентировавшись в локации, выстроенной по принципу уединённого запутанного места), открыть «Дверь» (осознано или случайно раскрыть страшную тайну) и увидеть «Сокрытое».

Сюжетная схема готической прозы находит воплощения не на уровне основной сюжетной линии антинигилистических произведений, а на уровне «параллельных», даже –

«периферийных». Например, в романе «Панургово стадо» Крестовского: линия «Андрей Устинов и Майор Лубянский («ключи») – Ардальон Полояров («иммориалист-преступник») / «замок») – Нюта Лубянская («жертва») / «сокрытое»)). У Мещерского же в «Тайнах современного Петербурга» «готическая» сюжетная схема реализуется в рамках «рассказа внутри романа» главы 5: «Степан Боб («ключ») – «коммунка» нигилистов: Володя, Кедров и Паша («преступники-иммориалисты») – мать семейства Емельяновых («жертва»)). В романе «Бесы» у Достоевского мы видим целых две линии, где реализуется готическая схема: «Антон Лаврентьевич Г-в («ключ») – «пятёрка» и Пётр Верховенский («преступники-иммориалисты») – Шатов («жертва»)); «Тихон («ключ») – Николай Ставрогин («преступник-иммориалист») – Матрёша («жертва»)). А в романе «На ножах» Лескова (уже в заключительной части произведения, после убийства старика Бодростина): «Форов, отец Евангел, Подозеров, девочка Вера («ключи») – Горданов, Висленев, Глафира («преступники-иммориалисты») – Бодростин («жертва»)).

В «Фатальной жертве» Дьякова функцию «персонажа-ключа» выполняет Дёрнов. Он проникает в замысел «кружковского идола» Трутнева («замок»), который опутал идеологией нигилизма Ольгу Бровскую (ведомая грешница) и толкнул её на продажу самой себя («дверь», страшная тайна), в результате героиня заканчивает жизнь самоубийством («сокрытое», жертва).

В заключении отражены основные выводы исследования.

В русской антинигилистической прозе 1860-1870 гг. утвердился метод изображения «революционного» с точки зрения «таинственного и ужасного». Связи с готической литературой обнаружились на различных уровнях: **мироощущение** (иррационализм, эсхатологические настроения, пессимизм), **антипросветительская позиция** (оппозиция готики просветительскому роману, антинигилистическому – «нигилистической» / «революционной» литературе), **связь с социально-политическим контекстом** (революции во Франции и революционное движение в России), **историко-литературный генезис персонажа-злодея** (готический иммориалист, романтический бунтарь, социальный антагонист / уголовный преступник реалистической литературы), **характерология** (в системах персонажей обоих жанров есть трагический властитель, проклятый скиталец, ведомый грешник, герой с сюжетной функцией ключа, хроникёр, жертва, «демон-помощник», «демон-искуситель»), **мотивная комбинаторика** (в антинигилистической прозе есть целые системы мотивов, характерных для классических произведений «таинственного и ужасного»), **сюжетика** (на периферийном уровне сюжетостроения антинигилистических произведений нашла реализацию типичная готическая сюжетная схема).

Результатом исследования стало и выявление историко-генетической связи между романом В.П. Мещерского «Тайны современного Петербурга» (1875) и готико-романтической повестью В.П. Титова и А.С. Пушкина «Уединённый домик на Васильевском» (1828). Кроме того, обнаружено воспроизведение системы мотивов повестей Н.М. Карамзина («Остров Борнгольм», «Сиерра-Морена», «Бедная Лиза») в повести «Из записок социал-демократа» (1879) и мотивов повести О.М. Сомова «Киевские ведьмы» (1833) в «Фатальной жертве» (1876) А.А. Дьякова.

Перспективой дальнейшего изучения темы может стать, с одной стороны, расширение материала: целесообразно выявление других жанров русской литературы второй половины XIX века, в которых отразилось влияние готической прозы (это позволит сформировать объективное представление о значении готики для русского литературного процесса XIX – нач. XX в.). С другой стороны – необходимо дополнительное исследование антинигилистического романа с целью выявления влияний иных предромантических и романтических форм.

В приложении «Краткая история русской антинигилистической прозы» выстроена хронология ключевых событий, приведших к идеологическому и поэтическому формированию русского антинигилистического романа. Попытки описать его развитие предпринимались и в отечественном, и в зарубежном литературоведении (Ю.С. Сорокин, А.И. Батюто, Н.Н. Старыгина, В. Торстенсон, Г.А. Склейнис и др.), но история формирования тематического спектра антинигилистической рефлексии не имела подробного описания. Без представления об этапах развития рассматриваемого жанра и его социально-политических контекстах обсуждение жанровых влияний, в частности – готики, нам не представлялось возможным.

Продemonстрировано развитие терминов «нигилизм» и «нигилист», сформировавшихся в период Великой французской революции. Их активно использовал якобинец Анахарсис Клоотс. Позже понятие «нигилист» было закреплено в «Словаре новых слов» Л.С. Мерсье и связывалось с деятельностью французских энциклопедистов, подготовивших революцию. Затем термин попадает в Россию, в русской печати в новом значении, по всей видимости, первым его употребил критик Н.И. Надеждин в отношении молодых писателей-романтиков, не признающих авторитеты³⁵. Развитие понятия «русский нигилизм» связано с С.П. Шевырёвым³⁶, И.С. Тургеневым³⁷, М.Н. Катковым³⁸ и др.

³⁵ Надеждин Н.И. Сонмище нигилистов (Сцена из литературного балагана) // Вестник Европы. – 1829. – Январь-февраль. С. 3–42

³⁶ Связывал нигилизм с «бесплодным» немецким материализмом. Об этом: Шевырев С.П. Лекции о русской литературе, читанные в Париже в 1862 году С.П. Шевырёвым / С.П. Шевырев; Предисл. Я.К. Грота

Предпосылки появления антинигилистической прозы возникли в период 1854-1861 гг. и были связаны с конфликтом аристократов и разночинцев в редакции «Современника»³⁹. Возникновение и первый этап⁴⁰ развития жанра пришёлся на 1861-1866⁴¹ гг. События крестьянских бунтов, студенческих волнений, Польского восстания, пожаров в Петербурге, дело Нечаева и проч. послужили материалом для произведений ядра жанра (периода расцвета 1867-1874 гг.) – дилогия «Кровавый пух» Крестовского, «На ножах» Лескова, «Бесы» Достоевского. Последний этап (упадок жанра) в 1875-1884 гг. был связан с разложением понятия «нигилист», его замещением «народником», «социалистом» и т.п. Полемика вокруг нигилизма маргинализировалась, стала неактуальной.

В приложении «Сводная таблица тем антинигилистической полемики, приёмов готической прозы и художественного текста, апеллирующего к страху» продемонстрировано, как «приёмы готической прозы» взаимодействуют с определённой авторской темой (аспекты мировоззрения и деятельности нигилистов), и в результате формируется художественный текст, апеллирующий к страху читателя. Например, в «Бесах» Достоевского формируется смысловое пространство, в котором создаются образы «демона-искусителя» Верховенского, «ведомых грешников» «наших». С помощью мотивов уединённости места действия, сложности (запутанности) пространственной

// Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1884. Т. 33, № 5. С 170-172

³⁷ После выхода романа «Отцы и дети» понятие «нигилизм» и «нигилист» получили широкое распространение в обществе. Об этом: Тургенев И.С. По поводу «Отцов и детей» // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1893 Т. 11. С. 86–97

³⁸ Фактически обосновал теорию «управляемого нигилизма» (использование молодёжи зарубежной и внутренней революционной агентурой). Об этом: Катков М.Н. Беспорядки в высших учебных заведениях // Собрание передовых статей Московских ведомостей: 1869 год. М.: Издание С.П. Катковой, 1897. С. 303–310.

³⁹ Прототипом первого литературного нигилиста был Чернышевский. Изображён в образе Чернушкина в повести Д.В. Григоровича «Школа гостеприимства». Об этом, в частности, Сердюченко В. в работе – «Чернышевский в романе В. Набокова «Дар». К предыстории вопроса // Вопросы литературы. 1998. №2. С. 335

⁴⁰ Первым антинигилистическим романом традиционно считается «Взбаламученное море» (1863) А.Ф. Писемского. С него историю жанра начинал, в частности, советский литературовед Ю.С. Сорокин в своей работе «Антинигилистический роман» (1964). Но современники и первые советские исследователи отдавали первенство «Отцам и детям» Тургенева (об этом: Антонович М.А. «Новь», роман г. Тургенева // Тифлисский вестник. 1877, 4 мая; Цейтлин А.Г. Сюжетика антинигилистического романа // Литература и марксизм. 1929. Вып. 2. С. 33-74). общественный резонанс вокруг «Отцов и детей» был несопоставимо большим, чем вокруг «Взбаламученного моря», не произведшего на читателей такого сильного впечатления и не прибавившего к полемике вокруг нигилизма ничего принципиально нового. В «Отцах и детях» была заострена проблематика, от которой другие антинигилистические произведения не отходили никогда. Во-первых, это восприятие человека как материала для революции («общего дела»). См. слова Базарова о Ситникове как «нужном олухе». Во-вторых, социальный дарвинизм (рассуждения Базарова о муравье и мухе и о непризнании её страданий). А в-третьих, всё остальное: «кружковщина» (сборища у Авдотьи Кукшиной), «антиэстетизм» внешности, демонстративный «антиаристократизм» поведения, презрение к искусству, философии и т.д.

⁴¹ До покушения Каракозова на Александра II, когда журналы «Современник» и «Русское слово» были закрыты навсегда

организации, преследования, тайного сговора, договора с нечистой силой, страшной тайны в сочетании с базовой сюжетной схемой готической прозы («Ключ – Замок – Дверь – Сокрытое») формируется сюжет убийства Шатова.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

I. Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты диссертационным советом МГУ имени М. В. Ломоносова:

1. Ефимов А.С. Диалогия В.В. Крестовского «Кровавый пуф» и готическая литература (Константин Калиновский как «Проклятый скиталец») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2021. № 4. С. 99–107. (ВАК, ИФ РИНЦ 2020: 0,213).

2. Ефимов А.С. Мотивы прозы Н.М. Карамзина в повести А.А. Дьякова «Из записок социал-демократа» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 47–52. (ВАК, ИФ РИНЦ 2020: 0,296).

3. Ефимов А.С. Антинигилистический роман и роман готический: к постановке вопроса // Litera. 2019. № 2. С. 137–152. (ВАК, ИФ РИНЦ 2019: 0,141).

4. Ефимов А.С. Повесть «Фатальная жертва» А.А. Дьякова (А. Незлобина) и мотив «нечестивого собрания» // Litera. 2020. № 3. С. 34–40. (ВАК, ИФ РИНЦ 2020: 0,149).

5. Ефимов А.С. «Тайны современного Петербурга» В. П. Мещерского и «Уединённый домик на Васильевском» В. П. Титова и А. С. Пушкина // Litera. 2020. № 1. С. 124–134. (ВАК, ИФ РИНЦ 2020: 0,149).

II. Другие публикации по теме:

1. Ефимов А. С. Русский антинигилистический роман 1860-1870-х гг. и «готический сюжет» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 18-25. (ВАК, ИФ РИНЦ 2019: 0,186)

2. Ефимов А.С. Экспрессионизм как средство выражения психоэмоциональных состояний героев в экранизациях готических произведений («Носферату. Симфония ужаса» Ф. Мурнау и «Пиковая дама» Я. Протазанова) // Литература и кино – в поисках общего языка: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 16-17 мая 2012. Владимир: ВлГУ, 2013. С. 109-113.